

КУЛЬТУРНАЯ ПРОВОКАЦИЯ

От редактора

**ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬСЯ
НА «РАСКОПКИ САКРАЛЬНОГО ТЕКСТА».
ИЛИ — ПОЧЕМУ ЭТУ СТАТЬЮ ОПУБЛИКОВАЛИ**

Читатель, перелистывая следующие страницы, будь осторожен! Это — провокация! Научная... культурная... местами тактичная, местами не очень, но — провокация. Традиционная формула — напоминание о том, что «мнение редакции (или других авторов) не совпадает с мнением отдельного автора...» или «редакция не несет ответственности...», как никогда справедлива и должна быть произнесена с редакционной трибуны именно в преддверии чтения статьи историка из Санкт-Петербурга Сергея Эрлиха «Россия колдунов-2».

Если бы вообще речь шла о том, что «мнение не совпадает»... Поступление статьи С.Эрлиха в редакционный портфель произвело эффект разорвавшейся бомбы. Раскинутые взрывной волной члены редколлегии, придя в себя, принялись ожесточенно спорить. Дискуссионная лихорадка охватила не только «ученые эшелоны», но и студенческую аудиторию Высшей Антропологической Школы. Как симптом брожения молодых умов немедленно среди заявленных тем тьюторских и курсовых работ замелькали слова: «Россия и молдавская цивилизация», «интеллигенция и народ», «воины и колдуны». Мнение редакции не разделилось по вопросу — печатать или не печатать? Мнение редакции разделилось по поводу — можно ли и нужно ли ученому так писать. Крайне резкая, рубящая, переходящая грань «фола» манера изложения Эрлиха в последнем разделе статьи передалась всем читавшим рукопись и привела в состояние аффекта даже традиционно спокойных спорщиков.

Что вообще произошло?! Основная (большая) часть, она же и первая часть статьи С.Эрлиха «Россия колдунов-2», — это продолжение и в большой степени переработка статьи «Россия колдунов», опубликованной в журнале «Знание-сила» (1995, №11). Автор переносит троичную («колдуны-воины-работники») схему устройства древних индоевропейских обществ по Дюмезилю на средневековое и современное русское общество. Аргументировано, принятыми в науке приемами показывает, как древний индо-

европейский (только ли индоевропейский?) архетип определяет и пронизывает насквозь историю этого общества. Такой угол зрения и «призма русской истории» позволяют С.Эрлиху к концу статьи придти к заключению, что последнее поколение русских «колдунов» — интеллигенция сегодня «умерла», то есть перестала выполнять заданную «дюмезилевским» архетипом функцию извечной борьбы с властью. На этой констатации и заканчивалась «Россия колдунов» образца 1995 г. Но эта констатация в итоге оказалась не самой печальной. Рефлексируя по поводу современных российских реалий («позорная кавказская война» и т.д.), С.Эрлих отмечает упадок «воинского» этнического духа, который уже не придет на смену почившей в бозе сакральной власти интеллигенции. Для автора это означает тотальную гибель смысла российской цивилизации. «Россия «воинов» умерла!» — печально констатирует Эрлих в 1999 году. «Россия колдунов», как мы теперь уже знаем, умерла еще в 1995 г. Все, как в известной песне из «Захаровского» фильма: «В общем, все умерли».

Но Сергей Эрлих, которого многие из редколлегии лично знают, — неисправимый оптимист. Он не может похоронить без веселой, терзающей слух покойников, музыки. И он дарит русским читателям надежду. Заодно дарит и молдавским. Будущее России — в Молдавии! В расцвете и осуществлении молдавской цивилизации «от моря до моря». Простите за неточность, автор более современен и глобогеополитичен: «Молдавия от Атлантики до Тихого океана!» Тихий океан — конечно, не Индийский, сапоги как следует не помоешь, но тоже приятно.

Именно последний, седьмой раздел статьи, выпадающий из нее по стилю (т.н. «Послероссие»), целиком посвящен проблеме спасения русского культурного наследия методом его творческого развития на бывшей «окраине». Безусловно, я не могу не посочувствовать и не присоединиться к автору в выражении его боли: «...Русский — мой единственный родной язык, — пишет С.Эрлих, — смерть русской культуры

будет и днем моей духовной гибели». Автор находит выход: «...чтобы обеспечить будущее, необходимо предсказать новую цивилизацию, в которой будут преодолены традиции русских “воинов” и спасено наследие русских “колдунов”». И русский историк и российский гражданин, уроженец Кишинева, Сергей Эрлих естественным образом «находит» новую цивилизацию-спасительницу на своей «исторической родине» – в Молдавии. Выглядело бы, наверное, странным, если бы он находил ее в Сибири или, скажем, в Средней Азии...

Идея о том, что русская культура – язык и наследие – принадлежит не только этническим русским, но и всем русскоязычным и русским на «национальных окраинах», не нова. Особенно на национальных окраинах. Идея о том, что Молдавия, в обстоятельствах прогнозируемого (не только археологами) надвигающегося кризиса и крушения нынешних законодателей мод и культурных стандартов, выражаясь археологическим языком, центров культурогенеза (США и западный мир), может при благоприятно складывающихся исторических условиях сама стать законодателем мод и источником культурных новаций, в том числе и для Восточной Европы, также не вчера вечером вылупилась из яйца. И не Сергей Эрлих это яйцо высиживал. Он это знает и предельно честно отказывается от авторства и называет даже дату, когда он с «молдавской идеей», вернее, с ее «туманным настроением» познакомился. Дело было летом 1989 г. Правда, после этого, всю первую половину 90-х гг. и практически до последнего российского кризиса Сергей Эрлих переживал период недоверия к «молдавской идее». Он в это время вообще не верил в вероятность существования независимого молдавского государства и в возможность какой-либо значительной самостоятельной культурной жизни в нем. Так же, как всегда, по-эрлиховски прямо заявлял об этом «во всеуслышание, чтобы потом отступить было стыдно». «Во всеуслышание» не очень одобрительно относился к возвращению молдавских аспирантов после кандидатских защит из блистательного Петербурга на отсталую родину.

Ну что ж, уверовал в «молдавскую идею»? Прекрасно.

Стал ее апологетом?

Тоже неплохо.

Но вот здесь уже главное — «не навредить».

Сергей Эрлих навредил. Предупреждаю, что выражаю личное мнение. Считаю, что навредил. И дело не в том, что он попытался перевести научную, в чем-то абстрактную конструкцию в практическую, если хотите, политически-бытовую плоскость (как известно «идея, брошенная в массы, — это девка, брошенная в полк»), а в том, что предложенный автором уровень аргументации, основанный на личных ощущениях, настроениях, наблюдениях, высказываниях зна-

комых и т.д. на мой взгляд, резко «снизил планку» и научной глубины, и притягательности «молдавской идеи», даже для тех, для кого она имеет ненаучное практическое значение. К сожалению, у этой медали есть еще одна сторона, лично для меня совсем неприятная.

Кое-какие «аргументы» некоторым читателям нелегко будет отмежевать от человеконенавистничества, расизма, биологического детерминизма, русо-, румыно- и молдавофобии и т.д. Хотя, если проанализировать весь текст, становится совершенно ясно, что автор таких воззрений и не придерживается. При прочтении финальной части статьи невольно возникает мысль, что черты этнического характера, этнические стереотипы, национальный темперамент становится основой для нелестных для той или другой нации исторических прогнозов-приговоров. (Просто смешны примеры превосходства молдавских математиков и программистов над российскими коллегами и очень напоминают детский спор о том, у кого папа сильнее. Разве автор не знает, от чего зависит статус, получаемый учреждениями или странами СНГ в международных западных фондах и организациях? Это вопрос сугубо политический и конъюнктурный). Эрлих критикует не нации как форму, аккмулирующую стадную психологию толпы, и даже не народы, а как бы всех их индивидуальных представителей персонально. И даже перемежающиеся с «аргументами» сеансы любви то к русскому народу, то молдавскому, то к обоим вместе ситуацию не спасают: настроение уже испорчено.

Подобное положение возникло, как мне кажется, и из-за того, что автор отказался от системы аргументации, характерной для всей статьи. Отбросил прежний академический стиль, отбросил, как он выражается, «костыли традиции», «плюнул на авторитеты» со всеми ссылками на чьи-либо исследования, разработки и просто обоснованное мнение. К примеру, если бы Сергей Эрлих показал «отсталость Румынии» с цифрами и фактами в руках, если бы он подтвердил тезис о «вторичности как неотвратимой судьбе Румынии» мнением румына-«эксперта» по этому поводу, а это было несложно сделать, то и весь «румынский пассаж» не выглядел бы как антирумынский выпад, интимно направленный к каждому румыну.

Досталось и молдаванам, вернее, молдавской интеллигенции. Автор заявляет: «Крестьянская молдавская интеллигенция не способна понять и поддержать программу молдавской цивилизации». Не способна только по Эрлиху, только потому, что ему просто так кажется, с такой ноги он встал и сел писать статью. Завтра может показаться иначе, если встанет с другой ноги. Аргументов не приведено. Способна или не способна молдавская интеллигенция понять молдавскую идею Эрлиха, зависит не только от самой интеллигенции, но и от качества самой

идеи, качества её доказательства. Я думаю, что и эрлиховскую идею она способна и понять, и принять! Нужно только объяснить ей ее не в таком безапелляционно-назидательном стиле. Надо, чтобы вчерашние сельские ребята, которые сегодня обучаются, чуть ли не в сорока вузах Кишинева, в нее не сходу поверили, но поняли, что эта идея – единственная возможность сохранения их молдавско-бессарабской или русско-молдавской идентичности. А для этого не нужно создавать искусственные психологические препоны, чтобы каждый молодой читатель сначала проглотил обиду и преодолел «национальные комплексы», а только затем оценивал главное и конструктивное.

А как же обошелся Сергей Эрлих с русской интеллигенцией, архетипически мертвой, но физически живой? Ее язык и культуру он любит и хочет спасти, а вот в отношении носителей — чувства сложнее. И здесь не обошлось без выпадов, один из которых меня лично крайне возмутил. Автор ссылается на «непроходимую тупость» (она же аргумент «прямолинейности», стандартизации смысла, признак умирающей культуры) группы студентов МГУ, принявшей участие в раскопках в Молдавии в 1989 г. Они же, как он замечает, будущая элита России. Сергей Эрлих находился в этой экспедиции на правах гостя и, видимо, времени зря не терял, с истинно этнографическим острашением тщательно выяснял умственные способности каждого. На самом деле речь идет не о тупости, а о серьезности как антипододе ироничности, юмористичности (коих действительно у нас по-южному в избытке) и об этнически специфическом восприятии смешного у северян.

Поскольку я возглавлял работу упомянутой археологической экспедиции и прекрасно знаю людей, о которых идет речь, я не мог не потребовать от С.Эрлиха объяснений по этому поводу. Выяснилось, что автором имелся ввиду некий С., весьма начитанный молодой человек, которому его начитанность помешала «адекватно» реагировать на «искромётный молдавский юмор», например, по поводу «румынской подводной лодки, затонувшей в Днестре в районе Могилева-Подольского в период последней мировой войны». Конечно же, С.Эрлих вместе с цитированным по этому поводу Г.Гориным прав, что «серьезное лицо – еще не признак большого ума...», однако из этого не следует, что оно — признак тупости. И вообще, если автору хотелось подчеркнуть момент «вырождения», то почему бы ему не обратиться за примерами к многочисленным сочинениям российских авторов, ведь тема вырождения русского народа так специфически популярна в России? Зачем нужно было подвергать «лабораторному» анализу поведение людей, с которыми делил тяготы и радости экспедиционной жизни?

Не могу удержаться без комментария еще одного момента, касающегося и «экспедицион-

ного эпизода». По моему глубокому убеждению, М.Е.Ткачук никак не связывал чье-либо «серьезное лицо» с идеей взаимного перехода от смешного к сакрализованному и наоборот. И уж конечно, не русско-молдавский «диалог культур» в интерпретации С.Эрлиха позволил М.Ткачуку сформулировать закон-диагноз умирающих и рождающихся культур, к которому последний относится с гораздо меньшей помпезностью, чем сам Эрлих. В итоге то «серьезное лицо», которое «делает» Эрлих при цитировании Ткачука, действительно выглядит очень смешным.

Легкость и безапелляционность автора при изложении «молдавской идеи» иногда просто поражает. Молдавско-галилейские параллели с хорошим вином и полиэтничностью Бессарабии легко можно заменить другими. Идеи: «Колдовская» власть волохов над славянами во время «карпатской» стоянки конца VII — начала IX вв.; «получение славянскими жрецами имя «волхов» (синоним слова «волох» в «Повести временных лет»)), — высказанные как гипотеза в более ранней статье (Эрлих 1997), в этой приобретают характер установленного факта.

Последний раздел статьи резко резонирует с остальными по жанру. Он приобрел откровенно газетно-пропагандистский характер. В личной беседе Сергей Эрлих объяснил, что не мог аргументировать каждое высказанное положение. «Заключительная часть – это манифест, это то, что выстрадано, то, ради чего написаны и все предшествующие части, без этого последнего мне не важно первое», — говорил он. «Это “сакральный текст”, где ты видел, чтобы сакральные тексты писались со сносками?» Да, верно, не видел. Но лично я не увидел в этой заключительной части и сакрального текста. Я вижу новое, безусловно, талантливое и, вероятно, даже гениальное осмысление «молдавской» идеи, авторской которую в данном случае не назовешь. Время покажет, сумел ли наш автор действительно «воспользоваться верным шансом на приобщение к Вечности» или заработал скандальную славу, которая окажется лишь незначительным шагом вперед в сравнении со скромной аннотацией в журнале «Новый мир» (1996, №2, с.255), опубликованной по поводу первой версии статьи. В отличие от автора, я думаю, что на «вечную жизнь» в науке действительно претендует именно первая и основная часть статьи, та, которой автор не особенно дорожит и публикацией которой я горжусь как редактор этого номера.

По иронии судьбы, в день, когда я читал заключительную часть статьи С.Эрлиха, мне довелось побывать на лекции Марка Ткачука в Высшей Антропологической школе, посвященной возможным перспективам Молдовы в футурологически-реконструируемых условиях кризиса англо-американской цивилизации. Лектор, основываясь на анализе культурной ситуации в ре-

гионе в период от эпохи энеолита до сегодняшнего дня, на основе анализа воздействия на Молдову соседних культурных миров — очагов культурогенеза, на основе анализа культурной генотипии региона и закономерности повторяемости культурных процессов обосновал возможность и вероятность культурного подъема региона. М.Ткачук подробно остановился на парадоксах этнической идентичности жителей Молдовы. Предположил, что вне зависимости от их национальности, зафиксированной в паспорте, единственным реальным критерием их этнической идентификации является самосознание, которое столь же противоречиво и парадоксально. В определенных условиях, по мнению Ткачука, именно этноним «молдаване» станет компромиссным именем-программой, объединяющим всех, кто независимо от языка, готов оптимистически строить будущее Молдовы. В аудитории сидела разноязычная публика, не ощущавшая перед лекцией ни особого единства, ни мало-мальски выраженного оптимизма. Но лек-

тор сумел, никого при этом не обвиняя, никого при этом не оставляя за бортом творцов новой цивилизации, всех объединить. Когда лекция закончилась, глаза у слушателей горели, этот день им запомнится надолго. Взаимное неприятие, неприязнь, вражда построить «новое будущее» не поможет, ведь и сам С.Эрлих признает, что «ненависть — это не творческая страсть».

Уверен, что публикация статьи С.Е.Эрлиха «Россия колдунов-2» никого не оставит равнодушным. С ней будут спорить и соглашаться, ее будут критиковать, а возможно, даже несправедливо поносить, но вряд ли кто решится сказать, что она неинтересна и не заслуживает самого пристального читательского внимания. И позднее: да, «редакция не несет ответственности...», если ее «мнение не совпадает...», но она несет ответственность перед научным сообществом, если не публикует то, что хотя бы претендует (!?) на вечность или вполне нормальную «земную» жизнь в науке.

Роман Рабинович.